

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.6>

Миронова Вероника Евгеньевна

ПОЭТИКА ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА "THE ADVENTURE OF THE BLUE CARBUNCLE" АРТУРА КОНАНА ДОЙЛА В ПЕРЕВОДЕ Г. А. ЧАРСКОГО

В статье анализируется перевод рассказа Артура Конан Дойла "The Adventure of the Blue Carbuncle", выполненный Г. А. Чарским в 1903 г. Данный перевод является значимым для исследования переводческой рецепции детективного творчества английского писателя и отражает основные тенденции в эволюции художественного перевода начала XX в. Перевод Г. А. Чарского характеризуется стремлением к сохранению композиции рассказа, а также его проблематики. В то же время, в данном переводе реализуется стратегия "одомашнивания" текста, применяются элементы разговорной лексики с целью адаптации произведения к восприятию русским читателем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 248-251. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-32

Дата поступления рукописи: 18.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.6>

В статье анализируется перевод рассказа Артура Конан Дойла “The Adventure of the Blue Carbuncle”, выполненный Г. А. Чарским в 1903 г. Данный перевод является значимым для исследования переводческой рецепции детективного творчества английского писателя и отражает основные тенденции в эволюции художественного перевода начала XX в. Перевод Г. А. Чарского характеризуется стремлением к сохранению композиции рассказа, а также его проблематики. В то же время, в данном переводе реализуется стратегия «одомашнивания» текста, применяются элементы разговорной лексики с целью адаптации произведения к восприятию русским читателем.

Ключевые слова и фразы: детективный рассказ; А. К. Дойл; переводческая рецепция; стратегии перевода; одомашнивание текста.

Миронова Вероника Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

veronicka84@yandex.ru

ПОЭТИКА ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА “THE ADVENTURE OF THE BLUE CARBUNCLE” АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В ПЕРЕВОДЕ Г. А. ЧАРСКОГО

Детективное творчество Артура Конан Дойла на протяжении длительного времени вызывает интерес русских читателей и переводчиков, оказывает значительное влияние на формирование и эволюцию жанра детективного рассказа в России, а также занимает особое место в развитии русско-английских литературных связей. Многочисленные переводы детективных произведений о Шерлоке Холмсе, появившиеся в России еще в конце XIX века, свидетельствуют как о повышенном внимании русской читательской аудитории к английской литературе, в частности, к детективу, так и об активной деятельности переводчиков.

В указанный период появляется множество переводов детективных рассказов Конан Дойла, опубликованных в различных журналах и литературно-художественных газетах, таких как «Звезда» [6], «Семья» [4], приложение к газете «Сын отечества» [1], а также авторских сборниках: «Собрание сочинений Конан-Дойла в 9-ти вып.» [5], «Приключения Шерлока Гольмса в 2-х тт.» [3], и многих других изданиях. Несмотря на тот факт, что переводчиками рассказов о Шерлоке Холмсе являлись достаточно известные личности: Н. Д. Облеухов, Вл. Бернаскони, В. Восходов, Вал. Стенич, М. Чуковская, Н. Войтинская, многие переводы были выполнены анонимно, что обусловлено двумя важными причинами: во-первых, жанровыми особенностями детектива и его местом в литературе в целом. Нередко детективный рассказ воспринимался критиками и литературоведами как форма «низкопробной литературы», не способной заинтересовать серьезного читателя, следовательно, многие переводчики предпочитали оставаться неизвестными, переводя детективные произведения, часто публикуемые в дешевых бульварных изданиях. Таким образом, большое количество анонимных переводов объясняется нежеланием переводчиков ассоциироваться с авторами произведений низкого качества, не получавшими признания представителей «большой литературы».

Во-вторых, конец XIX – начало XX века характеризуется возрастающим спросом на зарубежную художественную, в особенности приключенческую, литературу, а следовательно, повышенной переводческой активностью, появлением разнообразных переводов, не всегда качественно выполненных, так как многие переводчики воспринимали переводческую деятельность как легкий способ заработка и в своих трудах стремились по большей части передать основное содержание, а не национальную специфику английского языка и культуры, а также авторское своеобразие. В конце XIX – начале XX века переводы детективных рассказов Конан Дойла появлялись в периодических изданиях, журналах, газетах, а также их приложениях. Читатель знакомился с рассказами о великом сыщике, многие из которых являются наиболее любимыми русской читательской аудитории. “The Adventure of the Blue Carbuncle” является одним из наиболее популярных рассказов в России, о чем свидетельствуют многочисленные его переводы. Рассказ «Голубой карбункул», впервые опубликованный в январе 1892 года в “The Strand Magazine”, относят к циклу «Приключения Шерлока Холмса», который состоит из 12 детективных рассказов: «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Установление личности», «Тайна Боскомской долины», «Пять зернышек апельсина», «Человек с рассеченной губой», «Пестрая лента», «Палец инженера», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема», «Медные буки». Данный цикл представляет собой особый интерес для исследования, поскольку характеризуется двумя важными с точки зрения поэтики детектива художественными особенностями. Прежде всего, рассказы цикла объединены темой безнаказанности преступника за содеянное преступление, причем изображены разные формы избежания наказания: от бегства до сокрытия улики. Вторая, не менее примечательная особенность, заключается в рассмотрении автором проблемы ложного обвинения и, как следствие, несправедливого наказания.

В рассказе «Голубой карбункул» непосредственно отражена позиция автора относительно раскрытия запутанных преступлений, а также равнодушное отношение к людям, незаслуженно пострадавшим от несовершенства судебной системы, бездарного расследования, сфабрикованных дел. Заданная проблематика определила и остросюжетное повествование произведения. Вместе с тем, не менее актуальна в рассказе тема прощения и милосердия по отношению к преступнику, что было весьма близко русскому культурному

сознанию. По мнению американского историка Л. Макрейнольдс, специфика русской культуры конца XIX века заключалась, прежде всего, в православном мировоззрении, ставившем во главу угла милосердие по отношению к «несчастливым». В этом контексте сенсационное оправдание Веры Засулич за попытку убийства Ф. Ф. Трепова символизировало «разочарование общества в жестокой и консервативной администрации» и понимается как «еще одно свидетельство готовности присяжных склонить весы правосудия в пользу сострадания» [11, p. 10]. Таким образом, близкий и понятный для русской среды христианский мотив сострадания к преступнику делал рассказ Конан Дойла весьма привлекательным для перевода.

Интерес русской читательской аудитории как к детективному жанру в целом, так и к данному рассказу в частности также объясняется историческим ходом развития России и социально-политическими преобразованиями, оказавшими влияние на русское общество и художественные предпочтения русского читателя. Тема преступления волновала публику и активно освещалась в прессе. В связи с многочисленными судебными реформами XIX века, структура состязательного правосудия характеризовалась определенной публичностью и гласностью. В России, помимо многочисленных преобразований, реформа цензуры 1865 г. создала условия для процветания дешевой бульварной прессы, предназначенной для удовлетворения потребностей горожан [Ibidem, p. 4], увлекавшихся чтением детективных рассказов, в том числе, произведений Конан Дойла.

В 1903 году в Санкт-Петербурге была издана вторая серия рассказов Конан Дойла (первая серия была опубликована годом ранее и включала такие произведения, как «Знак четырех» и «Поздняя месть») в издании В. И. Губинского. Вторая серия под названием «Приключения сыщика Шерлока Холмса» содержала как наиболее известные рассказы о Шерлоке Холмсе («Пестрая лента», «Скандал в Богемии», «Изумрудная диадема»), так и менее популярные («Пропаший жених», «Странная должность», «Усадьба в Гемпшайре» и др.). В качестве переводчика в сборниках этого издания выступал Г. А. Чарский, один из немногих переводчиков, имя которого нам известно. Однако никакой дополнительной информации, к сожалению, найти не удалось.

Перевод Чарского демонстрирует определенную переводческую эволюцию рассказа Конан Дойла, что объясняется, как говорилось выше, интересом переводчика и к другим популярным рассказам английского писателя о Шерлоке Холмсе, таким как «Пестрая лента», «Изумрудная диадема», «В пустом доме», «Грек-переводчик», «Катехизис дома Месгревов», «Последняя проблема», «Пять апельсиновых зерен» и многим другим.

Анализируемый перевод рассказа «Голубой карбункул» опубликован в упомянутом выше сборнике под названием «Приключение с голубым альмандином», что в целом соответствует авторскому замыслу. В переводе Чарского сохранена аллюзия автора на приключенческий сюжет, что, несомненно, привлекало любителей данного жанра и отвечало «читательским ожиданиям». При этом переводчик выбирает термин «альмандин» вместо «карбункул», что приводит к неточностям в определении разновидности камня: альмандин, как и карбункул, является разновидностью граната, однако в природе не существует альмандинов голубого цвета. Поскольку карбункул воспринимается как камень красного цвета, читателей интересовал вопрос, какой минерал Конан Дойл описывал в рассказе. Существовали разные версии о происхождении и сущности камня: предполагали, что голубой карбункул не что иное, как сапфир, так как под карбункулом часто подразумевали рубин, а сапфир и рубин являются двумя разновидностями одного минерала. Однако, исходя из цитаты, приводимой в рассказе, в которой Холмс упоминает о кристаллической форме углерода, возможно предложить версию об «алмазном» происхождении камня. Таким образом, даже само название детективного рассказа представляет интерес для Г. А. Чарского, о чем свидетельствует его переводческое решение.

Анализируя проблематику рассказа, следует отметить, что переводчик сумел передать такие ключевые проблемы повествования, как тема невинно осужденных, образ преступника как маленького и жалкого человека, христианский мотив прощения и милосердия, путем донесения идейного содержания в доступной форме широкому кругу читателей. В переводе рассказа «Приключение с голубым альмандином» переводчик почти не позволял себе пропусков текста оригинала, за исключением некоторых абзацев рассказа. Такой подход позволил сохранить композицию произведения и его идеологическую основу. Автор рассказа выдвигает идею о том, что нередко незначительные на первый взгляд, даже комические случайности могут привести к серьезным последствиям. Так, комичная ситуация со старой шляпой и гусем, в зубу которого обнаружили драгоценный камень, скрывает преступление и приводит к трагическим последствиям для невинно осужденного героя. Чарский с вниманием отнесся к такому авторскому замыслу:

Оригинал	Перевод Г. А. Чарского	Дословно
<p>“Remember, Watson, that though we have so homely a thing as a goose at one end of this chain, we have at the other a man who will certainly get seven years’ <i>penal servitude</i> unless we can <i>establish his innocence</i>. It is possible that our <i>enquiry</i> may but <i>confirm his guilt</i>; but, in any case, we have a line of <i>investigation</i> which have been missed by the police, and which a singular chance has placed in our hands” [9, p. 155].</p>	<p>«- Не забывай, Ватсон, что на одном конце нашей нити находится такая ничтожная вещь, как гусь, а на другом человек, которому грозят, по меньшей мере, <i>семилетняя каторжная работы</i>, если только мы не <i>докажем его невиновности</i>. Быть может наше <i>расследование</i> только <i>подтвердит его вину</i>, но во всяком случае, благодаря случайному стечению обстоятельств, в наши руки попал след, ускользнувший от полиции. Итак, каков бы ни был конец, мы доберемся до него» [2, с. 173].</p>	<p>«Помни, Ватсон, что хотя у нас такая простая вещь, как гусь, на одной стороне этой цепочки, на другой у нас – человек, который однозначно получит семилетние каторжные работы, если мы не установим его невиновность. Возможно, что наше расследование может лишь подтвердить его вину, но, в любом случае, у нас есть линия расследования, которая ускользнула от полиции, и которую единственная возможность предоставила нам в руки».</p>

В оригинале речь Холмса образна и эмоциональна, что выражено и синтаксически (большое количество подчинительных предложений), и множеством метафор. Монолог главного героя пестрит юридическими терминами, показывая его осведомленность и в расследовании преступления, и в судопроизводстве (“penal servitude”, “innocence”, “enquiry”, “confirm his guilt”, “investigation”), что, несомненно, характеризует главного героя как опытного сыщика. Основу приведенного высказывания составляет противопоставление незначительной детали (гуся) судьбе человека. Чарский передает и связь комически-тривиального с серьезным, и проблему невинно осужденного и возможного незаслуженного наказания. Передавая детали монолога Холмса, русский переводчик адекватно транслировал и характеристику Холмса как проницательного сыщика («семилетняя каторжная работа», «докажем его невиновность», «расследование», «подтвердит его вину»), его равнодушное отношение как к приключениям и загадкам в целом, так и к судьбе незнакомого, но нуждающегося в его помощи человека, адекватно передав образы и метафоры фрагмента. Очевидно, что образ Холмса был, несомненно, интересен Чарскому.

Несколько иной подход Чарского наблюдается при передаче пространственно-временных координат рассказа. В этом случае очевидно игнорирование переводчиком описаний пространства. Характерно, что Конан-Дойл вводит в повествование реальные названия улиц и районов Лондона, не раз проводит параллель между городом и лабиринтом. Чарский же, за редким исключением, намеренно пропускает оригинальные топонимы, сокращает описание пространства, концентрируя внимание читателя на последовательности действий и событий повествования: “*It was a bitter night, so we drew on our ulsters and wrapped cravats about our throats. Outside, the stars were shining coldly in a cloudless sky, and the breath of the passers-by blew out into smoke like so many pistol shots. Our footfalls rang out crisply and loudly as we swung through the doctors' quarter, Wimpole Street, Harley Street, and so through Wigmore Street into Oxford Street. In a quarter of an hour we were in Bloomsbury at the Alpha Inn, which is a small public-house at the corner of one of the streets which runs down into Holborn. Holmes pushed open the door of the private bar and ordered two glasses of beer from the ruddy-faced, white-aproned landlord*” [9, p. 154]. В переводе Г. А. Чарского мы видим следующую интерпретацию фрагмента: «*Была очень холодная ночь, и мы потеплее закутались в пальто и пледы. Безоблачное небо было усеяно искрящимися звездами: дыхание прохожих превращалось в густой туман. Снег хрустел под ногами, и шаги наши гулко отдавались на морозном воздухе. Через четверть часа ходьбы мы были уже у небольшого трактира “Альфа”, помещающегося в угловом доме в Блумсбери. Мы прошли в “дворянскую”, где Холмс приказал краснощекому хозяину в белом переднике подать две кружки пива*» [2, с. 172].

Описание холодной ночи в оригинале отличается большей экспрессивностью, во многом благодаря таким средствам изображения, как “*bitter night*”, “*stars were shining coldly*”, “*smoke like so many pistol shots*”, в особенности последнему сравнению, наиболее подходящему для детективного рассказа и словно акцентирующему внимание на теме преступления. Кроме того, автор, как всегда, подробно описывает маршрут со свойственной ему детализацией в виде названий улиц и адресов. В переводе эти детали игнорируются, что несколько обедняет не только данный фрагмент, но и образ Лондона, мастерски изображаемый Конан Дойлом в своих рассказах. Переводчик вводит слово «*дворянская*», в определенной степени приближая текст к реалиям русской жизни. Следует отметить, что в период публикации анализируемого рассказа нередко в тексте переводного произведения фигурировали типично русские реалии, не имевшие отношения к времени и месту действия подлинника [7, с. 293].

Такой переводческий подход к передаче хронотопа популярного произведения характерен именно в том случае, когда перевод ориентирован на массового читателя. В контексте перевода детективной литературы такая интерпретация может восприниматься не как недостаток, а как стремление переводчика заинтересовать читателя, не отвлекать его внимание на чужеродные названия. По мнению Ежи Фарино, «так называемое “наивное” восприятие в первую очередь схватывает событийно-предметный уровень произведения и часто на нем и останавливается, пренебрегая его конкретным материальным оформлением или же просто не замечая этого оформления» [8, с. 39], на что и был, по-видимому, ориентирован перевод Чарского.

В связи с таким подходом вместо мотива тайны и загадок, “*the labyrinth of small streets*” [9, p. 145], переводчик использует описание «узеньких переулков за Тотенгем-Курт-Ридом» [2, с. 162]. Таким образом, образ города оказался практически нивелирован. Несмотря на тот факт, что и в оригинале рассказа образ Лондона обозначен несколькими штрихами, разбросанными в повествовании, изображенные в рассказе детали позволяют читателям выстроить образ викторианского города, который почти полностью отсутствует в русском переводе. Вероятнее всего, это осознанная стратегия переводчика, сконцентрированная, в большей степени, на передаче событийной цепочки повествования.

Перевод Г. Чарского характеризуется стратегией «одомашнивания» исходного текста, активно применявшейся в конце XIX в. в переводах, предназначенных для массового читателя, как «способ репрезентации чужого и непонятного текста в понятных терминах принимающей культуры» [10, p. 242]. Эта стратегия применяется Чарским, прежде всего, при передаче имени героини *Catherine Cusack*, переведенного как Екатерина Кюзак. Имена остальных персонажей были переведены транслитерацией, возможно, в связи с отсутствием аналогов их имен в русском языке. Стратегия «одомашнивания» проявилась и при передаче художественных особенностей речи героев, реализовавшись в излишнем применении разговорной лексики, например, «посмотри-ка» [2, с. 169], «ну-с» [Там же, с. 164], «что ли» [Там же, с. 166], « послушайте-ка», «принеси-ка» [Там же, с. 174], «хе, хе» [Там же, с. 177], «довольно-таки» [Там же, с. 179]. Кроме того, для данного

перевода характерно употребление и других лексических единиц, никак не обусловленных оригинальным контекстом: «прикащик» [Там же, с. 175] (в оригинале “the small boy” [9, p. 157]), «сударь» [2, с. 178], «милейший» [Там же, с. 165] и т.д.

Тем не менее, приведенный анализ позволяет сделать вывод о переводческой эволюции при передаче художественных особенностей детективного рассказа «Голубой карбункул». Очевидна продуманная и глубокая интерпретация авторской проблематики и системы героев в переводе Г. А. Чарского, с особым вниманием к передаче образа Шерлока Холмса. Однако образ Лондона был передан более нейтрально, нежели в оригинале, т.к. переводчик проигнорировал некоторые важные детали в его описании, хотя случаи с сокращением текста единичны. Стратегия «одомашнивания» английского текста и привязка к реалиям русской жизни очевидны и здесь, что в определенной степени меняет стилистическую окраску рассказа, однако адаптирует повествование к восприятию русского читателя. Интересно, что этот же перевод был опубликован анонимно под названием «Пропавший камень» в 1905 году в петербургском иллюстрированном сборнике рождественских рассказов «Под Рождество» в издании редакции журнала «Всходы». Сравнительный анализ текстов доказывает, что оба перевода идентичны и принадлежат перу Г. А. Чарского, поскольку опубликованы с минимальным количеством изменений. Очевидно, переводчик незначительно отредактировал перевод текста, начав с названия. Новая версия перевода отличается большими сокращениями, особенно истории карбункула, а также исключением английских денежных единиц – соверена и фунтов, замененных на золотые. Стилистические изменения практически отсутствуют, и проанализированные недочеты первого перевода сохранились и в обновленном варианте. Следует отметить, что данный перевод является весьма адекватным с точки зрения передачи авторского замысла, проблематики, особенностей построения образов, что, в целом, позволяет говорить об улучшении качества переводимых художественных текстов с начала XX в.

Список источников

1. Дойль К. Алмаз графини Моркар // Ежедневное воскресное приложение к газете «Сын отечества». СПб.: АОПД «Издатель», 1899. № 45. С. 3-4; № 46. С. 1-4; № 47. С. 1-3.
2. Конан-Дойль А. Приключения сыщика Шерлока Холмса. Вторая серия. СПб., 1903. 346 с.
3. Конан-Дойль. Приключения Шерлока Гольмса в 2-х тт. СПб.: Поучение (Г. Кнох), 1905. Т. 2. 226 с.
4. Конан Дойль. История голубого бриллианта // Семья. М.: А. Я. Липскеров, 1901. № 1. С. 11-14; № 2. С. 11; № 3. С. 8-10.
5. Конан Дойль. Собрания сочинений Конан-Дойла в 9-ти вып. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1904. В. 6. 112 с.
6. Конан Дойль А. Голубой карбункул // Звезда. СПб., 1894. № 26. С. 508-509; № 27. С. 528-530; № 28. С. 548-549.
7. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 416 с.
8. Фариньо Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
9. Doyle A. C. The Adventures of Sherlock Holmes. L.: Harper Press, 2013. 318 p.
10. Koskinen K. Beyond Ambivalence. Postmodernity and the Ethics of Translation. Tampere: University of Tampere, 2000. 316 p.
11. McReynolds L. Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2012. 288 p.

POETICS OF THE DETECTIVE STORY “THE ADVENTURE OF THE BLUE CARBUNCLE” BY ARTHUR CONAN DOYLE IN THE TRANSLATION BY G. A. CHARSKIY

Mironova Veronika Evgen'evna
National Research Tomsk Polytechnic University
veronicka84@yandex.ru

The article analyzes the translation of Arthur Conan Doyle’s “The Adventure of the Blue Carbuncle” by G. A. Charskiy in 1903. This translation is significant for the study of the translation reception of the English writer’s detective work and represents the main trends in the evolution of the literary translation of the early XX century. The translation by G. A. Charskiy is characterized by the desire to preserve the composition of the story, as well as its problems. At the same time, in this translation the strategy of “domestication” of the text is implemented. The elements of colloquial vocabulary are applied with the aim of adapting the work to the perception of the Russian reader.

Key words and phrases: detective story; A. C. Doyle; translation reception; translation strategies; text domestication.